

Научная статья
УДК 94(798), 336.274
doi: 10.17223/2312461X/42/3

Кредиты и долги в Русской Америке как социально-экономическая проблема

Андрей Вальтерович Гринёв

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия, agrinev1960@mail.ru*

Аннотация. Анализируются такие социально-экономические явления, как кредиты и долги в бывших российских колониях на Аляске (вторая половина XVIII в. – 1867 г.). Эта тема до сих пор не была объектом специального изучения в отечественной и зарубежной историографии. Вместе с тем натуральные и финансовые ссуды и долговые обязательства играли исключительно важную роль в деятельности различных купеческих компаний, осуществлявших промышленное освоение Алеутских островов и Аляски с середины XVIII в. Не меньшее значение они приобрели в деятельности монопольной Российско-Американской компании (РАК), которой царское правительство передало управление своими заокеанскими владениями в 1799 г. В Русской Америке практиковались три формы кредитования: 1) в виде товарных ссуд; 2) в виде денежных займов; 3) смешанный вариант. При этом первая форма кредитования была единственной при взаимоотношениях русских с коренными жителями Аляски. Без предварительного материального субсидирования и займов нормальная хозяйственная жизнь российских колоний была бы полностью парализована. Однако ссуды и кредиты порождали долги, причем долговая проблема на протяжении десятилетий осложняла финансовую деятельность РАК и социально-психологическую атмосферу колониального общества, а попытки ее разрешения так и не увенчались успехом. Более того, одной из причин тяжелого экономического положения компании в 1860-х гг. стало непомерное долговое бремя, что косвенным образом повлияло на решение царского правительства продать Русскую Америку США в 1867 г.

Ключевые слова: кредит, экономический долг, российская колонизация, Русская Америка, Российско-Американская компания

Для цитирования: Гринёв А.В. Кредиты и долги в Русской Америке как социально-экономическая проблема // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 45–66. doi: 10.17223/2312461X/42/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/3

Loans and Debts in Russian America as a Socio-Economic Problem

Andrei V. Grinëv

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation, agrinev1960@mail.ru*

Abstract. The purpose of the article is to analyze such socio-economic phenomena as loans and debts in the former Russian colonies in Alaska (the second half of the 18th–1867). This topic has not yet been the object of special study in domestic and foreign historiography. At the same time, natural and financial loans and debt obligations played an exceptionally important role in the activities of various merchant companies engaged in the commercial development of the Aleutian Islands and Alaska from the middle of the 18th century. They acquired no less importance in the activities of the monopoly Russian-American Company (RAC), to which the tsarist government transferred control of its overseas possessions in 1799. Three forms of lending were practiced in Russian America: 1) in the form of commodity loans, 2) in the form of cash loans, 3) a mixed option. At the same time, the first form of lending was the only one in the relationship of Russians with the natives of Alaska. Without prior material subsidies and loans, the normal economic life of the Russian colonies would be completely paralyzed. However, loans and credits generated debts, and the debt problem for decades complicated the financial activities of the RAC and the socio-psychological atmosphere of colonial society, and attempts to resolve it were not successful. Moreover, one of the reasons for the difficult economic situation of the company in the 1860s was the exorbitant debt burden, which indirectly influenced the decision of the tsarist government to sell Russian America to the USA in 1867.

Keywords: credit, economic debt, Russian colonization, Russian America, Russian-American Company

For citation: Grinëv, A.V. (2023) Loans and Debts in Russian America as a Socio-Economic Problem. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 45–66 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/3

Введение

Представленная вниманию читателя тема еще никогда специально, системно и комплексно не изучалась, хотя ее отдельные аспекты не раз упоминались на страницах отечественной и зарубежной историографии, посвященной Русской Америке. Так сейчас принято обозначать российские колонии на Аляске и Алеутских островах, возникшие во второй половине XVIII в. и проданные США в 1867 г. Прологом к формированию Русской Америки стала Вторая Камчатская экспедиция В.И. Беринга – А.И. Чирикова, которая в 1741 г. открыла берега и острова Юго-Восточной и Южной Аляски, а также цепь Алеутских и Командорских островов. Обнаруженные моряками экспедиции богатые пушные ресурсы на

новооткрытых землях немедленно привлекли внимание предприимчивых камчатских купцов, промышленников и казаков. Уже в 1743 г. на промысел к Командорским островам с Камчатки отправилось первое судно, за ним последовали другие, продвигаясь все дальше на восток вдоль гряды Алеутских островов к Аляске вслед за истребляемым пушным зверем. Особенно высоко ценился мех каланов (морских выдр), которых русские в то время именовали «морскими бобрами» или просто «бобрами», причем шкура взрослого калана стоила примерно в 10 раз дороже, чем шкура обычного речного бобра. Добычу пушнины первоначально осуществляли многочисленные компании, состоявшие из нескольких десятков человек, так как собрать необходимый капитал для снаряжения судна и найма промысловиков-промышленников было не под силу даже самому богатому купцу. И тут в силу вступали кредитно-ссудные отношения и долговые обязательства, без которых организация промыслов на отдаленных тихоокеанских островах была попросту невозможна.

Особенности кредитной политики и специфика долговых обязательств на первоначальном этапе освоения Русской Америки

Начавшийся в середине XVIII в. пушной промысел россиян на островах Нового Света опирался на богатые традиции, заложенные ранее при колонизации Сибири. Как известно, важнейшим экономическим стимулом ее освоения была добыча соболя, шкурки которого в огромном количестве поставлялись в Европу. Первоначально русские приходили в Сибирь в основном с Русского Севера, где уже до этого издревле существовал пушной промысел и отсутствовало крепостное право, препятствовавшее свободному передвижению рабочей силы. Еще до начала освоения сибирских просторов на Русском Севере сложилась система найма, известная как «покрута». Она представляла собой вербовку бедных крестьян и посадских людей богатыми купцами для участия в промысле, для чего последние обеспечивали их необходимым снаряжением, одеждой, продуктами и деньгами. По сути дела, речь шла о заемно-кабальных отношениях; неслучайно, что на срок найма «покрутный человек» попадал в полную зависимость от своего хозяина и его приказчика (Бахрушин 1955: 199–211; Александров 1962: 170–178). Этим покрута отличалась от собственно капиталистической системы вольного найма.

Получив в долг различные припасы, снаряжение и деньги, «покрученники» отправлялись на промысел в Сибирь, а по его окончании вся их добыча (после уплаты государственной пошлины) разделялась на «ужины» (доли): хозяева-наниматели забирали $\frac{2}{3}$ мехов, а $\frac{1}{3}$ шла охотникам. Еще одну разновидность покрученников составляли «полуженьщики», т.е. промышленники, делившие свою долю мехов пополам с

нанимателем (Вилков 1990: 299–310; Бычков 1994: 108–109, 112–116). Впоследствии ряд элементов этой экономической системы был воспроизведен в промысловой деятельности русских на Алеутских островах и Аляске. С одной стороны, в отличие от ситуации на Русском Севере и Сибири затраты на ведение промысла на тихоокеанских островах были гораздо выше, ведь помимо охотничьего снаряжения, оружия, съестных припасов и одежды промышленникам требовалось мореходное судно, без которого добраться до промысловых угодий на отдаленных островах было просто нереально. С другой стороны, добытчикам пушнины на местах промысла не требовались денежные средства, так как местные туземцы – алеуты – не имели о них никакого представления, а могли вести лишь меновой торг. Правда, деньги часто нужны были промышленникам перед отправкой в промысловое плавание для содержания своих семей, покупки дополнительного снаряжения или продовольствия.

Поскольку расходы на подготовку судна были очень значительны, то организовывались промысловые экспедиции всегда вскладчину, причем обычно большую долю вносили наиболее состоятельные люди, располагавшие достаточными капиталами. Как правило, это были местные камчатские и сибирские купцы, но нередко среди них встречались представители крупного купечества с Русского Севера, а порой также из Центральной России. Но даже их объединенных средств не всегда хватало для постройки и оснащения судна и обеспечения команды всем необходимым. В таком случае на помощь могли прийти местные власти на Камчатке и в Охотске, снабжая формирующуюся компанию недостающими денежными суммами и материальными средствами – чаще всего порохом и оружием. Так, сибирский губернатор Фёдор Соимонов в 1758 г. распорядился выдать четыре пушки и 15 пудов пороха за наличные деньги иркутскому купцу Ивану Бечевину для готовящейся промысловой экспедиции (Русские экспедиции... 1989: 47). В 1764 г. лальский купец Иван Попов, готовя к плаванию судно «Св. Иоанн Устюжский», получил казенную ссуду в 2 тыс. руб., которую он возвратил с процентами после удачного промысла. Подобные примеры можно продолжить, из чего следует вывод о достаточно активном участии государства в кредитном и материальном субсидировании купеческих объединений, развернувших промыслы на тихоокеанских островах (Макарова 1968: 68, 107).

Поэтому единственным источником казенного кредитования для купеческих компаний была камчатская или охотская администрация. Поддержка со стороны камчатской или охотской администрации обуславливалась экономическими и политическими соображениями: выдавая компаниям материальные и финансовые средства, местные власти помимо процентов при возмещении долга надеялись на будущее увеличение доходов казны от десятинной пошлины за добытые промышленниками меха, а также на поступления ясака, взятого с алеутов. Кроме того,

власти на Камчатке и в Охотске рассчитывали на политические дивиденды от присоединения новых земель к российской державе, которые осваивали промышленники на востоке.

Естественно, что по возвращении из вояжа субсидированная администрацией компания должна была выплатить казенный долг с процентами. Если этого не происходило по каким-либо причинам, то часть ее имущества могла быть конфискована государством. Например, в 1774 г. хозяева судна «Св. Александр Невский» не смогли вернуть казне 4 тыс. руб., взятых ими для оснащения корабля перед отправкой на промысел, а потому все оружие, находившееся на борту, было, по распоряжению камчатского начальства, изъято в пользу государства, а самим компаньонам пришлось продать судно другой купеческой компании, вероятно, чтобы расплатиться с частными долгами (Макарова 1968: 116).

И все же казенные кредиты обычно составляли небольшую часть общего капитала промысловой компании. Он всегда делился на доли, которые назывались «паи». Их количество и число их владельцев, равно как и другие вопросы, относящиеся к промысловой деятельности компании (выбор и обязанности морехода и передовщика – приказчика, отвечающего за ход промысла и хозяйственные вопросы, число «работных людей», оплата их труда и т.п.), оговаривались в специальном соглашении – «валовом контракте» (АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 123. Л. 309–310 об.; Макарова 1968: 164–181). Наиболее распространенной формой была так называемая полупаевая система, суть которой заключалась в следующем: хозяин пая нанимал «работного человека», который получал половину от всей добытой им пушнины, а половина шла нанявшему его купцу (Гринёв 2016: 112–113). При этом пай можно было продавать, перепродавать и закладывать, а цена их могла существенным образом изменяться. Подавляющая часть их была неразрывно связана с денежными и материальными ссудами и вытекающими из них долговыми обязательствами. В итоге экономические отношения, воплотившиеся в паевой системе, с одной стороны, продолжили сибирскую традицию «покруты», а с другой – стали этапом в переходе к акционерной системе, воплотившейся в жизнь при возникновении Российско-Американской компании (РАК) в конце XVIII в.

При удачном промысле на тихоокеанских островах и Аляске даже простой «работный человек» мог обеспечить себя на много лет вперед, хотя так происходило далеко не всегда. Российский морской историк Василий Берх, сам побывавший в Русской Америке в начале XIX в., писал: «Случалось, что по окончании счастливого путешествия доставалось каждому промышленнику от полупая его мехов на две и три тысячи рублей; но ежели вывоз был не так удачен, то несчастные странники сии оставались в вечном долгу у хозяев своих» (1823: 20). Прибыли же хозяев были неизмеримо выше и порой исчислялись десятками тысяч

рублей (до 500% на вложенный капитал, а иногда и более) (Паллас 1781: 18). Впрочем, в случае неудачи промысла или кораблекрушения они могли совершенно разориться. Такова была судьба камчатского предпринимателя и иркутского купца Никифора Трапезникова, игравшего до середины 1760-х гг. видную роль в организации промысловых экспедиций на тихоокеанские острова. Гибель в 1768 г. судна «Св. Пётр и Павел», в оснащение которого он вложил остатки своего капитала, и банкротство некоторых его должников превратили Трапезникова в бедняка, чья старость прошла почти в полной нищете (Берх 1823: 63).

Долговые обязательства касались не только русских промышленников, но и алеутов, когда по мере освоения Алеутских островов местные жители начали включаться в промысловую деятельность под нажимом купеческих компаний. В ту пору русские практиковали принудительное кредитование алеутов, о чем сообщал морской офицер Михаил Левашов, посетивший Лисьи острова в конце 1760-х гг. Он писал об участниках промысловых экспедиций: «И по прибытии к тем островам для зимовки, заходят в заливы, вытаскивая суда на берег, стараются как того острова, так и поблизости лежащих других островов взять от жителей детей их в аманаты [заложники], естли не удастца ласкою, тогда берут и силою. А как оное исправят, тогда тем жителям раздают свои клепцы [капканы], которыми промышляют лисиц. Сверх того дают же им котовые и сиучьи кожи [шкуры морских котиков и крупных тюленей], называемые лафтаки, для обтягивания их байдарок, бисер и корольки [бусы], козлиную шерсть и небольшие медные котлы. И так тех обывателей задолжат, которые во все их бытие на том острове стараются кормить рыбою и кореньем. Где б какова зверя не промыслили на берегу и на воде, все отдают промышленным» (Русская Тихоокеанская эпопея 1979: 357). Таким образом, во взаимоотношениях промышленников с алеутами наряду с обычным торговым обменом преобладали методы внеэкономического принуждения – аманатство и подневольная долговая кабала (явления, хорошо известные в истории покорения Сибири).

В 1784 г. предприимчивый купец Григорий Шелихов основал первое постоянное русское поселение в Новом Свете на большом острове Кадьяк у берегов Южной Аляски. Местные эскимосы кониагмюты, которых русские называли «коняги», «кадьякские алеуты», а обычно просто «алеуты», после недолгого ожесточенного сопротивления были покорены русскими. При этом первоначально Шелихов воздерживался от принудительного или добровольного задалживания местных жителей, как это имело место на Алеутских островах. Причина отказа Шелихова от введения долговой кабалы крылась, вероятно, в следующем. В отличие от алеутов, которые отличались отменной честностью, кадьякские эскимосы, напротив, были не прочь при случае обмануть русского (Гринёв 2022: 195). Поэтому неслучайно Шелихов распорядился сделать

упор на непосредственную меновую торговлю с кадыяками без внедрения товарных кредитов и долговых обязательств. Тем не менее уже после его отъезда возобладала традиция задалживать туземцев для привлечения их на промыслы калана в составе байдарочных флотилий («партий») во главе с русскими промышленниками. «Забычивость» кадыяков в отношении заемных средств была преодолена путем долговых реестров, о которых косвенно упоминалось в документах нового правителя «шелиховской» компании на Кадыяке Александра Баранова. Правда, иногда компания сама могла быть должна туземцам-партовщикам за добытую ими пушнину и в этом случае они получали «ярлыки», т.е. специальные долговые расписки (К истории... 1957: 101–102).

Долги компании перед туземцами возникали из-за хронического дефицита многих европейских товаров из-за нерегулярного снабжения колоний из Охотска и частых кораблекрушений. Чтобы восполнить нехватку товаров для выплат туземцам за добытые ими меха, русские разработали следующую систему: в то время как молодые мужчины занимались добычей каланов на отдаленных промыслах, оставшиеся на Кадыяке старики и подростки обязаны были ловить береговых птиц, из шкурок которых женщины шили теплые парки – основную одежду кадыяков и алеутов в виде глухого балахона с капюшоном. Пошитые рукавами туземных женщин еврашечьи и птичьи парки, а также водонепроницаемые камлеи из кишок китов, тюленей и медведей шли затем в качестве платы туземцам-партовщикам за добытую на промысле пушнину. Последние вынуждены были идти на такой по сути дела грабительский обмен, поскольку отвлеченные на промыслы калана в течение значительной части летнего охотничьего сезона, они часто просто не успевали запастись на зимовку даже рыбой, не говоря уже о шкурах животных и птиц, необходимых для изготовления теплой одежды и байдарок, без которых охотники Субарктики просто не могли обойтись. В итоге меха доставались компании Шелихова фактически задаром: ведь труд подневольных туземцев (каюров), стариков и жен туземцев не стоил почти ничего – им выдавали лишь рабочую одежду, табак, иголки в крайне ограниченном количестве (Гринёв 2016: 227–232).

Не лучше обстояли дела у русских промышленников «шелиховской» компании. Как сообщал летом 1790 г. участникам правительственной экспедиции И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева промышленник Егор Пуртов, он и его товарищи вынуждены были покупать у приказчиков Шелихова товары по ценам в четыре раза выше, чем в Охотске. Вследствие этого многие из них вошли в неоплатные долги, а сам Шелихов, предвидя подобный исход, заявил, что должники его компании останутся на Кадыяке навечно (Гринёв 2016: 168, 190). При этом долги промышленников росли также из-за махинаций самого хозяина компании и его приказчиков. В результате 11 марта 1795 г. промышленники подали

коллективную жалобу Баранову, в которой указывали также, что Шелихов скрывал всю бухгалтерию и долговые записи, а после из Охотска прислал свои расчеты, в которых, как жаловались промышленники, «открылись сверх всякого нашего чаяния, неожиданные к совершенному нас здесь угнетению обидные накладки, начеты и стеснения». Эти и другие злоупотребления, писали промышленники, имеют крайне отрицательные психологические последствия, поскольку несправедливость «приводит нас в совершенное уныние и отчаяние, лишает бодрости духа, с каковым многотрудные должности в здешних местах с подвержением ежечасной опасности жизни проводить должно» (К истории... 1957: 63–74).

Получив жалобу промышленников, Баранов вынужден был признать их правоту по ряду пунктов, а о других отозвался, что злоупотребления произошли еще до принятия им на себя должности правителя компании в Америке в 1791 г. Чтобы прекратить в дальнейшем рост задолженностей из-за обчетов, обвесов и приписок шелиховских приказчиков, Баранов со своей стороны потребовал от них «все бесчестные присвоения пресечь, показывать цены товарам по данной книге от хозяина всякому требующему и отнюдь напрасно никого не обсчитывать, а паче остерегаться обвесов и обмеров яко гнусного порока» (К истории... 1957: 94).

Таким образом кредиты, натуральные ссуды и долговые обязательства во всем их многообразии стали неотъемлемой частью экономической жизни формирующейся Русской Америки, сопровождаясь, вместе с тем, значительными злоупотреблениями.

Кредиты и долги в Русской Америке после образования Российско-Американской компании

Постепенная монополизация пушного промысла на тихоокеанских островах и Южной Аляске завершилась в июле 1799 г. созданием РАК на базе холдинга наследников Шелихова (умер в 1795 г.) и сложившегося в Иркутске объединения местных предпринимателей. Поскольку новая монопольная организация возникла под эгидой государства, то она получила не только обширные привилегии, но также права на управление владениями империи в Новом Свете (ПСЗРИ: XXV: 699–718, 923–925). При этом РАК полностью унаследовала ту социально-экономическую систему, которая уже сложилась в российских колониях в предыдущие годы, включая кредитно-долговые отношения. Это неудивительно, учитывая тот факт, что заемные обязательства промышленников занимали видное место в капиталах новой компании. По ведомости РАК на 1 декабря 1799 г. за «работными людьми» числились огромные долги: денежные на 83 090 руб. 81 коп. и «бобрами» (т.е. под будущую добычу) на 284 925 руб. (РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2404. Л. 39). Правда, далеко не всегда эти долги можно было взыскать, особенно в случае инвалидности

или смерти должника в Америке, а также при кораблекрушениях судов, что приводило компанию порой к значительным убыткам. Так произошло при потере корабля «Феникс» в конце 1799 г., когда, по словам А.А. Баранова, назначенного в 1802 г. главным правителем Русской Америки, «важный в оном груз и людей задолженных великими суммами 73 человека из промышленных погибло» (К истории... 1957: 125).

К этому времени сами промышленники уже практически не вели пушной промысел, а занимались строительством, охраной, надзором за туземцами и службой на морских судах. Поэтому подавляющую часть мехов РАК получала от коренных жителей. Зависимые от компании туземцы (алеуты, эскимосы Кадыяка и сопредельных территорий, а также частично индейцы денаина) перед промыслом каланов обычно получали от приказчиков РАК различные вещи в долг, причем их основную массу составляли отнюдь не изделия из Европы, России или Китая, а туземные произведения, которые в бумагах компании обозначались как «экономические вещи». «Русские товары, – свидетельствовал очевидец, живший в начале XIX в. на Кадыяке, – по большей части выходят на русских промышленных; а кадыячане еще при отправлении в партию в долг под бобров [каланов] забирают то лафтакими для байдар [байдарок], то топорковыми парками [одеждой, сшитой из шкурок топорков (тупиков)], то кишечными камлейкам, так что редкий остается не должным компании по окончании в партии промысла» (Русская Америка... 1994: 76).

Не сумевшие расплатиться в срок должники обязаны были беспрекословно следовать «в партию» на следующий промысловый сезон. Уклонение от работ жестоко каралось, так что реально участие в промысловой деятельности для многих туземцев превратилось в своего рода повинность типа барщины. Когда в 1800 г. старейшины пяти кадыякских селений пытались уклониться от посылки своих людей в байдарочные партии, а также отказались от уплаты старых долгов, это было расценено Барановым как злостное неповиновение и саботаж, который был незамедлительно подавлен его подручными (Тихменев 1863, Приложение: 149; Гринёв 2016: 229, 243). В случае смерти задолжавшего компании алеута или кадыяка его долг взыскивался с родственников (Русская Америка... 1994: 83). Таким образом, долговые отношения, навязанные РАК туземцам, объективно способствовали формированию круговой поруки, что имело место в крестьянской среде в России и среди сибирских «инородцев» при выплате ясака (в Русской Америке его сбор был отменен в 1795 г.).

В целом система принудительного кредитования к концу правления А.А. Баранова (1818) привела к немалым задолженностям коренных жителей колоний. Так, сумма долгов только за туземцами, проживавшими в «столице» колоний Ново-Архангельске на острове Ситха (Баранова), куда была переведена главная контора РАК с Кадыяка в 1808 г., составила 21 697 руб. (Хлебников 1985: 63). Однако случалось, что сама

компания была в долгу перед зависимыми туземцами, если не имела достаточно товаров для расплаты за добытые ими меха. Капитан-лейтенант Михаил Васильев, посетивший Уналашку в 1821 г., писал, что местные алеуты жаловались на РАК за дороговизну товаров и их дефицит: «Алеуты получают плату тогда, когда товар есть, иным не заплачено за четыре года и должна Компания до 100 рублей, иным, с других островов: Саннаха, Унги и прочим с 1819 года сделали первый расчет, что алеутам стал известен платеж и долги их, что они забрали» (Российско-Американская компания... 2005: 108).

Задолженность зависимых туземцев возникала чуть ли не «автоматически» благодаря манипуляциям с ценами со стороны РАК, о чем сообщал в депеше ее директорам главный правитель капитан-лейтенант Матвей Муравьев в 1822 г.: перед промыслом лисиц туземец забирал у компании в долг парку, камлейку, табак и другие припасы минимум на 17 руб., а его добыча в среднем составляла 10 лис по цене 13 руб. 50 коп. Таким образом, охотник вместо дохода еще и оставался должным РАК 3 руб. 50 коп. (NARS. RRAC. Roll. 28: 57). В ответном послании от 15 марта 1823 г. за № 195 ГП РАК санкционировало бесплатную выдачу парок и камлеек (на 10 руб.) туземным охотникам перед отправкой на лисий промысел, что способствовало облегчению долгового бремени зависимых туземцев (Roll. 3: 293).

Но главными должниками в Америке были, конечно, не туземцы, а простые русские промышленники и служащие РАК. Так, только в Ново-Архангельске сумма их долгов в капитале компании в начале 1818 г. достигла поистине гигантской величины – 338 904 руб., уступая лишь стоимости хранящихся на местных складах российских и иностранных товаров, припасов и материалов (1 066 904 руб.) (Хлебников 1985: 63). Сами долги работников и служащих РАК из числа выходцев из метрополии формировались в основном двумя способами: 1) путем получения финансовых ссуд и вещевого довольствия от компании при отправлении в Русскую Америку и 2) путем денежной и товарной задолженности уже в самих колониях. Причем при найме промышленников РАК обычно использовала смешанное кредитование – часть им выдавалась в виде денежной субсидии, часть – в виде различных вещей, прежде всего одежды. Здесь же необходимо упомянуть роль водки в образовании долгов в ранний период существования компании. Многие промышленники были любителями горячительных напитков и пропивали выданные им РАК деньги в Охотске и на Камчатке при отправлении на промыслы в Америку. По возвращении оттуда они опять спускали на водку заработанные там деньги, а затем вынуждены были обращаться за новым кредитом в компанию и снова поступать к ней в работники. Как справедливо отмечал в своей монографии профессор С.Б. Окунь, водка служила

действенным методом закабаления промышленников, превращая их в неоплатных должников РАК (Окунь 1939: 166–169).

Действительно, подобная практика использовалась компанией в ранний период ее существования. Кроме того, РАК сохранила распространенную прежде полупаевую систему с соответствующими долговыми обязательствами, о чем сообщалось в ее документах: «Промышленных работников по всем островам и занятиям находится до 500 человек из русских; они обыкновенно договариваются вместо жалованья получать в пользу свою половину промысла из всей массы через два, три и четыре года накопившейся в уловленных зверях. Из половины платят они то, чем при отъезде в [промысловый] вояж или на островах задолжаются у компании. Сии долги состоят: в уплате [частным] кредиторам долгов их, платеже податей, в пенсиях родственникам и в получении на одежду, обувь и на особое содержание разных для себя вещей» (К истории... 1957: 32). При этом меньшая часть промышленников числилась не на полупаях, а на жалованье, как и почти вся администрация РАК и ее мореходы в колониях. В 1818 г. 190 служащих РАК в Ново-Архангельске имели 190 полупаев и паев (у мастеровых), 13 паев имел правитель, а 101 человек состоял на жалованье (Хлебников 1985: 62, 68). В этом же году после отставки Баранова с поста главного правителя Русской Америки к власти в колониях пришли морские офицеры, при которых паевая система была упразднена и служащие РАК были целиком переведены на фиксированное жалованье. Теперь все простые русские промышленники стали получать по 350 руб. в год с продуктовым пайком (97).

Эти перемены имели весьма значительные последствия для всех сфер жизни российских колоний, включая кредитование и систему долговых обязательств. Так, капитан-лейтенант Леонтий фон Гagemейстер, сменивший Баранова на посту главного правителя Русской Америки, пытался бороться с широко распространенным в колониях алкоголизмом, который часто приводил к усилению задолженности промышленников. А для взыскания недоимок с промышленников Гagemейстер распорядился с мая 1818 г. высчитывать в пользу РАК по $\frac{1}{3}$ их ежегодного жалованья вплоть до полного погашения долга. Такая политика имела успех, и к январю 1826 г. задолженность служащих РАК снизилась до 150 585 руб. 45 коп., т.е. стала гораздо меньше, чем она была в 1818 г. В то же время сама компания была должна некоторым промышленникам и чиновникам 70 528 руб. В целом же долговой баланс всегда был в пользу РАК. Об этом свидетельствует статистика, приведенная в записках главы Новоархангельской конторы РАК Кирилла Хлебникова: в 1818–1830 гг. общая сумма долгов на служащих компании при отправлении из Охотска в колонии составила 124 165 руб. 05 коп., а сама компания оставалась им должна при отъезде на родину 65 990 руб. 97 коп.

(Хлебников 1985: 69, 165–168). Суммы по своим долговым обязательствам РАК выплачивала позднее в своих конторах в Сибири и России.

Здесь следует отметить некоторое увеличение размера кредитов, выдаваемых компанией промышленникам перед отправлением в Америку по сравнению с предшествующим «барановским» периодом – сумма возросла до 400–700 руб. (Хлебников 1985: 165). Очевидно, это стало результатом инфляции, а также введения фиксированного жалования, что значительно облегчало финансовые операции и взыскание долгов в безналичной форме. Простой расчет показывает, что промышленник, чтобы выплатить 700-рублевый кредит, не затрачивая на себя ни копейки, должен был трудиться два года на протяжении его стандартного семилетнего контракта. При этом руководство РАК понимало опасность чрезмерного роста задолженностей, а потому при поступлении на ее службу работник обязывался не «входить в большие и неоплатные долги». Дело в том, что взыскать их представлялось не всегда возможным, особенно если заемщик превращался в немощного старика, состарившегося на службе РАК (не говоря уже об инвалидности или его смерти в колониях). Так, по сообщению Хлебникова, Главное правление (ГП) компании в Петербурге в начале 1830-х гг. вынуждено было отказаться от возврата старых долгов на сумму более 30 тыс. руб. (169). Всего по балансу капиталов РАК с 1808 по 1838 г. компания вынуждена была исключить долгов на сумму 562 910 руб. 84 коп. (Российско-Американская компания... 2005: 368).

Однако РАК широко использовала задолженность своих служащих в качестве законного предлога для их задержки в колониях сверх срока оговоренного контракта, поскольку, как писал Хлебников, «должные обязаны заслужить свой долг, увольнения не требовать и жалоб не приносить» (1985: 97). Это было закреплено законодательно в ст. 11 Привилегий РАК, утвержденных царем в 1821 г. (ПСЗРИ: XXXVII: 844). Более того, большие задолженности могли осложнить личную жизнь простого служащего компании, поскольку все они обязаны были получать письменное разрешение главного правителя колоний на заключение брака. А тот мог и отказать, как это сделал капитан 2-го ранга князь Дмитрий Максutow, отдав распоряжение Кадыякской конторе от 3 марта 1865 г. за № 32: «На вступление в брак Псковского мещанина Абрама Ивановича Харитоновна до уплаты долга его К^о не согласен» (NARS. RRAC. Roll. 65: 11 об.). Правда, существовали законные способы облегчить долговое бремя: за добросовестный труд колониальное начальство могло либо списать часть долга, либо выдать промышленнику премию и тот мог самостоятельно погасить за счет нее часть кредита РАК или вернуть целиком весь долг. Например, за успешно проведенную торговую экспедицию на реку Кускоквим в 1835 г. у ее участников было списано $\frac{3}{4}$ их долгов перед компанией (Roll. 10: 105 об.–106).

Конечно, индивидуальный размер кредитов и задолженностей резко различался у туземцев, промышленников и высокопоставленных служащих РАК и напрямую зависел от уровня ежегодных доходов различных категорий колониального населения. Поэтому сумма кредитов и долгов чиновников РАК и простых работников различалась порой на порядки.

Анализируя проблему кредитно-долговых отношений в российских колониях в Америке в цифровом выражении, следует учитывать динамику и колебания финансовых счетов конкретных контор РАК в течение определенного периода времени. Например, в Уналашкинской конторе после смены Баранова среди статей капиталов к 1 мая 1818 г. на промышленниках числилось долгов на 16 064 руб. 70 коп., на служащих алеутах – 1 338 руб. 81 коп., на вольных алеутах – 2 893 руб. 80 коп. В свою очередь, контора состояла должной служащим и промышленникам 651 руб., служащим алеутам – 330 руб. 86 коп., вольным алеутам – 512 руб. 77 коп. К 1827 г., т.е. спустя почти 10 лет, остаточный капитал включал в себя долги на служащих в сумме 17 030 руб. 12 коп., на алеутах числилось 8 764 руб. 66 коп., т.е. задолженность туземцев за 10 лет выросла в 2 раза, а у русских почти не изменилась. Вместе с тем сама контора была должна служащим из числа уроженцев метрополии 8 745 руб. 20 коп., а вольным алеутам – 2 240 руб. 73 коп., что демонстрирует рост в 4 раза (Хлебников 1979: 129–130). В случае смерти кредитора компании его деньги должны были получить наследники, как это произошло в 1823 г. после гибели во время рыбного промысла Матвея Кабачакова: оставшийся после него кредит на 56 руб. 99 коп. был перечислен трем его дочерям (NARS. RRAC. Roll. 52: 153).

Особую роль играли кредиты и долги в жизни такой категории туземного населения колоний, как креолы. Это было потомство от браков и связей русских и других европейцев с местными туземками, т.е. метисы. Почти все они были должниками РАК, которая была заинтересована в них как источнике дешевой рабочей силы, которую, в отличие от русских промышленников, не требовалось привозить в колонии из России и по истечении контракта возвращать обратно, из-за чего компания несла немалые транспортные расходы. Метод экономического закабаления креолов был достаточно прост. Те из них, кто обучался в России за счет РАК (таковых было крайне мало), обязаны были затем не менее 10 лет служить компании в Русской Америке. Креолы же, выросшие на попечении РАК в колониях, должны были отработать на компанию 15 лет, причем жалованье им полагалось платить обычно только с 20-летнего возраста по весьма заниженной ставке – от 60 до 120 руб. в год. Затем их оклад постепенно повышался с учетом квалификации и усердия до 160–350 руб. к 29-летнему возрасту, когда заканчивался срок их обязательной службы (Хлебников 1985: 99–101). Естественно, что к этому рубежу большинство креолов из-за более чем скромного жалованья впадало в

неоплатные долги перед компанией и последняя получала почти гарантированный источник рабочей силы. Таким образом, долговые обязательства креолов играли исключительно важную роль в социально-экономической жизни этой социальной группы и поддержке функционирования хозяйственного механизма российских колоний, поскольку численность данной группы росла довольно быстрыми темпами.

Формированию долгового бремени служащих РАК (туземцев, креолов и европейцев), как и прежде, весьма способствовали высокие цены на многие товары, устанавливаемые монополистом – Российско-Американской компанией. Правда, основные продукты питания, прежде всего хлеб и мука, стоили относительно недорого, а рыба для служащих раздавалась и вовсе бесплатно. РАК компенсировала недополученную торговую прибыль за счет табака, пуд которого стоил в колониях 60 руб., а в Охотске обходился компании всего 31 руб., а также наценок на мануфактурные товары, предметы роскоши и спиртное (РГИА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15. Л. 11; NARS. RRAC. Roll. 32: 42). В начале 1830-х гг., по данным К.Т. Хлебникова, средняя наценка на товары, доставляемые в колонии из России, колебалась в пределах 40–45%, но на некоторые вещи, например на зеркала, фаянс, ситцы, она поднималась до 70% (1985: 162).

Как и прежде, умножению долгов способствовали не только высокие цены на многие завозимые в колонии товары, но махинации приказчиков РАК, особенно в отношении неграмотных туземцев, которым они приписывали несуществующие задолженности, что удалось обнаружить главному правителю барону Фердинанду фон Врангелю во время ревизии конторских счетов на Кадьяке в 1832 г. (NARS. RRAC. Roll. 34: 139). По его сведениям, долги туземцев в 1820-х гг. росли особенно быстрыми темпами. Так, если к 1 января 1821 г. по Кадьякскому отделу они составляли 5 182 руб., то к 1 января 1826 г. уже 20 569 руб. (рост в 5 раз!), а к 1 января 1830 г. – 29 963 руб. И лишь в начале 1830-х гг. данная неблагоприятная тенденция была приостановлена в результате распоряжительности самого Врангеля и возглавившего Кадьякский отдел Василия Кашеварова. Затем благодаря ходатайству главного правителя по облегчению долгового бремени туземцев директора РАК в депеше от 31 марта 1833 г. за № 250 согласилась списать все их долги, числящиеся еще со времен А.А. Баранова, как абсолютно безнадежные. В предписании Врангеля Новоархангельской конторе РАК от 11 марта 1834 г. за № 37 было предложено привести распоряжение директоров в исполнение и приведена соответствующая статистика: «Числящиеся на алеутах старые барановские долги и те, что накопились по 1 января 1831 года, а именно: по Кадьякскому отделу 29 963 рубли 14 копеек, по Уналашкинскому – 15 945 рублей 72 копейки и по Атхинскому – 10 501 рубль 43 ½ копейки, всего 56 410 рублей 29 ½ копеек вовсе уничтожить, из капитала

Компании исключить и поставить в счет барыша и наклада» (Российско-Американская компания... 2005: 288).

Директора РАК могли позволить себе подобный широкий жест по списанию долгов, ведь согласно «Правилам» РАК, юридически утвержденным царем еще в 1821 г., все зависимые «инородцы» были обязаны трудиться на компанию, пусть и с определенными ограничениями (ПСЗРИ: XXXVII: 851). После принятия этого документа для РАК потеряла былую актуальность долговая кабала алеутов и кадьякцев для принуждения их к участию в промыслах компании. Более того, списывая долги туземцам, ГП РАК в депеше Ф.П. фон Врангелю от 31 марта 1833 г. рекомендовало принять меры «решительно и повсеместно остановить задалживание алеутов» и не допускать ничего подобного в будущем. Со своей стороны Врангель, хотя и был удовлетворен списанием долгов, однако настаивал на увеличении расценок на пушнину, приобретаемую у туземцев, и в 1836 г. они были повышены на одну треть (Тихоменев 1863: 319–322).

Пойдя под давлением Врангеля на уступку зависимым туземцам, Главное правление отказалось ликвидировать долги, накопившиеся и на креолах. Такое решение было продиктовано тем, что алеуты с кадьякцами и без отработки долгов обязаны были трудиться на компанию, в то время как срок службы креолов был ограничен определенным числом лет, после чего удерживать их в экономическом подчинении РАК могла только долговая кабала. Но она имела весьма отрицательные психологические и социально-экономические последствия, что отмечал Ф.П. Врангель в одном из своих донесений в Петербург: «От недостаточного их [креолов] содержания, нарасчетливости и всегдашней готовности бывших Правителей [Кадьякской] Конторы задолживать их из Кассы, вошли сии люди в неоплатимые долги, убиты как бы духом и от того нерадивы к пользам Компании, так что в Содержатели Магазинов, Лавки или Артелей употреблять их неможно. И так с одной стороны излишняя экономия в определении годового оклада, а с другой неуместная расточительность верить в долг обратилась для Компании и для самих Креолов во вред» (NARS. RRAC. Roll. 34: 171–172). Поэтому Врангель прилагал все усилия, чтобы хоть как-то уменьшить долговую кабалу креолов и зависимых туземцев. «Вредную систему задалживать нижних служителей выше меры вовсе отменил, – сообщал Врангель в письме своему давнему другу Фёдору Литке, – и, увеличив оклады жалованья, поставил их в возможность с расчетливостью себя содержать, не забирая в долг, чем, надеюсь, возродил в креолах и алеутах понятие о собственности, которого едва ли они понимали, всегда долгами были задавлены» (Российско-Американская компания... 2005: 269).

И все же, как и прежде, основная масса долгов числилась не за туземцами или креолами, а за русскими промышленниками и служащими.

Например, в 1831 г. только по Уналашкинскому отделу насчитывалось, по данным Врангеля, «долгу за людьми» 44 760 руб. асс., а «кредиту за компанией» всего на 8 964 руб. асс. В этом не было ничего удивительного. Главный правитель доносил по этому поводу в Петербург 6 мая 1832 г.: «Промышленный, за вычетом всегда бывающих долгов, берет из Кассы в месяц от 15 до 25 рублей, между тем как $\frac{1}{2}$ пуда муки, 1 фунт чаю, 2 ф. сахару, $\frac{1}{2}$ ф. масла, $\frac{1}{2}$ ф. мыла, 4 чарки рому в месяц, 1 пара платьев, 1 одеяло, 4 рубах, 4 пары сапогов в год обойдутся круглым числом каждому рабочему в 25 и 30 рублей в месяц, так что ему не токмо порядочным образом одеться нельзя, но едва только может прикрывать свою наготу — если же у него есть семейство, то уже недостает никакой возможности оное содержать» (NARS. RRAC. Roll. 34: 79–79 об.).

Врангель вел настоящую «бумажную войну» с ГП РАК, добиваясь снабжения колоний качественными товарами в достаточном количестве, а для уменьшения долговой кабалы он развернул борьбу с пьянством среди русских промышленников и параллельно приказал уточнить конторские расчеты с туземцами (Российско-Американская компания... 2005: 269; Загоскин 1956: 367). Но предпринимаемые им меры лишь временно способствовали улучшению ситуации, ведь долги, как уже неоднократно упоминалось, накапливались за служащими РАК еще до их попадания в Америку. Почти все промышленники, приезжавшие в колонии из России, оказывались уже «задолжены» компанией на сумму до 700 руб., а некоторые чиновники даже до 5 тыс. руб. и более. Уже в колониях долги на приказчиках РАК часто возникали по результатам ревизий, которые выявляли недостачу товаров из-за хищений, халатности или приписок. Так, в 1830 г. содержателю торговой лавки в Ново-Архангельске Ивану Попову был выставлен счет на 8 319 руб. 44 коп. за утерянны́е товары, а приказчику торговой лавки на Кадыке Степану Бушковскому, соответственно предъявлен счет на 5 064 руб. 73 коп. (NARS. RRAC. Roll. 34: 137–137 об.).

Российско-Американская компания, как и прежде, ежегодно вычитала из жалованья своих заемщиков и должников $\frac{1}{3}$ часть в счет погашения долга, а некоторым бедным, больным и дряхлым и вовсе прощала его (Хлебников 1979: 34, 130, 140; Хлебников 1985: 165–167). Кроме того, компания часто списывала относительно небольшие долги работникам, выезжавшим из колоний после окончания службы. Подобным образом в 1846 г. был прощен долг тюменскому крестьянину Ивану Вагину, финляндцу Юхани Пульканену, якуту Петру Попову, соответственно, на 299, 80 и 291 руб., а равным образом еще несколькими служащими РАК. Нередко компания целиком теряла ссудный капитал в связи со смертью должников. Например, после кончины в том же году помощника бухгалтера Ивана Ульянова компания вынуждена была списать как

безнадежный числившийся на нем крупный долг в 9 251 руб. 34 коп. (NARS. RRAC. Roll. 52: 99–100, 252 об.–256 об.).

Тем не менее ПАК так и не оставляла порочной практики неумеренного кредитования. К началу 1840-х гг. на ее рабочих и служащих в Русской Америке накопилась колоссальная задолженность в 463 772 руб. (NARS. RRAC. Roll. 14: 359 об., 524). Наконец, распоряжением от 8 марта 1846 г. за № 615 Главное правление предписало колониальному начальству «отнюдь не задалживать вновь служителей несоразмерно с получаемым им жалованьем» и вообще «постановить твердым правилом при отправлении в колонии рабочего класса людей ни под каким видом не задалживать» (Roll. 16: 111; Roll. 52: 58 об.). Вместе с тем полностью выполнить эту директиву оказалось невозможно из-за необходимости экипировать одеждой посылаемых в Русскую Америку промышленников за счет компании, естественно, в кредит. Так, в 1863 г. служащие ПАК были должны компании 556 454 руб. 03 коп., в то время она должна была им 255 642 руб. 92 коп. (Отчет Российско-Американской компании... 1865: приложение). Когда Аляска была продана США в 1867 г., именно должники ПАК выражали радость по поводу этого события, так как рассчитывали на списание долгов и скорое возвращение на родину (Dall 1898: 181).

Надо сказать, что накануне уступки российских колоний США долги ПАК в самой России составили громадную сумму в 1 121 670 руб. сер. (Болховитинов 1990: 191). Эта сумма образовалась в результате различных причин, включая неблагоприятную конъюнктуру рынка, просчеты менеджмента ПАК, непомерных трат на социальную сферу российских колоний и т.д. Министр финансов Михаил Рейтерн в записке от 2(14) декабря 1866 г. министру иностранных дел князю Александру Горчакову отмечал: «Компания даже не приносит существенной пользы акционерам, находится в положении, близком к несостоятельности и может быть только искусственно поддерживаема значительными со стороны правительства пожертвованиями» (Там же: 397). В результате император принял решение избавиться от колоний в Америке как повода для ежегодного субсидирования ПАК в размере 200 тыс. руб. сер. из сметы Морского министерства (ПСЗРИ. Собр. II. Т. XLI. С. 329; О расчетах... 1868: 31).

Заключение

Подводя общие итоги, можно сделать следующие выводы: кредитно-долговые отношения занимали видное место в организации экономической деятельности различных купеческих объединений на Тихоокеанском Севере во второй половине XVIII в, а затем сменившей их Российско-Американской компании, а равным образом в жизни российских колоний в Новом Свете. Денежные кредиты, материальные ссуды и

долговые обязательства были тем механизмом, который запускал экономические процессы, поддерживал их и обеспечивал бесперебойное функционирование хозяйственного механизма в рамках определенного экономического цикла. При этом кредитно-долговые обязательства оказывали заметное влияние на социальную жизнь и психологическую атмосферу российских колоний. Известная специфика прослеживалась в формах кредитования: выходцы из метрополии получали денежные и (или) материальных ссуды, а туземцы Русской Америки только товарные, причем на первых этапах колонизации нередко в принудительном порядке, что влекло личную зависимость в виде долговой кабалы. Опять же русские обязаны были возвращать долги в большинстве случаев в денежной форме, а туземцы – пушниной; кроме того, широко применялись безналичные расчеты. Вместе с тем кредитно-долговые операции РАК не ограничивались лишь колониями, а распространялись на метрополию и использовались при контактах с иностранцами, как правило, посредством векселей.

Проследивая динамику кредитно-долговых отношений во всем их многообразии, нельзя не затронуть роль государства, которое выступало кредитором сначала небольших купеческих компаний, а затем монопольной РАК, снабжая их денежными ссудами, а порой и материальными средствами (в первую очередь огнестрельным оружием и порохом). Хотя объем государственных кредитов был обычно не слишком велик, игнорировать его явно не стоит, несмотря на то что в заключительный период существования Русской Америки наблюдался резкий рост кредитной задолженности компании перед частными лицами. Более того, государство косвенным образом субсидировало компанию, предоставляя ей различные финансовые льготы, а с 1866 г. ввело прямые бюджетные дотации на значительную сумму в 200 тыс. руб. серебром. Впрочем, эта мера не помогла РАК справиться с накопившимися долговыми обязательствами, что стало одной из косвенных причин уступки Русской Америки США в 1867 г. и ликвидации самой Российско-Американской компании в апреле 1871 г.

Список источников

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Александров В.А. Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в. // Исторические записки. М.: Наука, 1962. Т. 71. С. 158–195.
- Бахрушин С.В. Покрута на соболиных промыслах XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. III. С. 198–212.
- Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги русского купечества. С присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб.: В тип. Н. Греча, 1823.
- Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М.: Наука, 1990.

- Бычков О.В. Особенности промыслового быта русских в Восточной Сибири в XVII веке // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования) / Под ред. А.Р. Артемьева. Владивосток: ДВО РАН, 1994. Т. 1. С. 105–122.
- Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI–начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990.
- Гринёв А.В. Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). М.: Academia, 2016.
- Гринёв А.В. Психологический портрет эскимосов Аляски по материалам русских исторических источников (1763–1867) // Кунсткамера. 2022. № 3. С. 189–202.
- Загоскин Л.А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. / Общая ред., прим. и коммент. М.Б. Черненко, Г.А. Аграната, Е.Э. Бломквист. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1956.
- К истории Российско-Американской компании / под ред. А.И. Блинова, И.М. Кураева, О.Н. Мухиной, П.И. Павлова (отв. ред.). Красноярск: Красноярский гос. архив; Красноярский гос. пед. ин-т, 1957.
- Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1968.
- О разчетах с Российско-американскою компаниею по случаю уступки русских владений в Америке Соединенным Штатам. СПб.: В тип. Мин. финансов, 1868.
- Окунь С.Б. Российско-Американская компания. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939.
- Отчет Российско-Американской компании за 1863 год. СПб.: В тип. Э. Треймана, 1865.
- Паллас П.С. О российских открытиях на морях между Азией и Америкою // Месяцеслов исторический и географический на 1781 год. СПб.: Императорская АН, 1781. С. 1–150.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. I–XLV. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841 / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 2005.
- Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / сост. Р.Г. Ляпунова и др.; отв. ред. А.Д. Дридзо, Р.В. Кинжалов. М.: Мысль, 1994.
- Русская Тихоокеанская эпопея / сост. В.А. Дивин и др. Автор введения В.А. Дивин; ист. очерки, коммент. и примеч.: В.А. Дивин, Г.Н. Исаченко, К.Е. Черевко; гл. ред. В.С. Шевченко. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1979.
- Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. / сост.: Т.С. Федорова (отв. сост.), Л.В. Глазунова, Г.Н. Федорова; отв. ред. Р.В. Макарова; гл. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1989.
- Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1863. Ч. II.
- Хлебников К.Т. Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск / сост., предисл., коммент. и указ. С.Г. Фёдоровой. М.: Наука, 1985.
- Хлебников К.Т. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / сост., авторы введ. и коммент. Р.Г. Ляпунова и С.Г. Федорова. Л.: Наука, 1979.
- Dall W.H. The Yukon Territory. The Narrative of the W.H. Dall, Leader of the Expedition to Alaska in 1866–1868. The Narrative of the Exploration Made in 1887 in the Yukon District by George M. Dawson, D.C., F.G.S. Extracts from the Report of an Exploration Made in 1896–1897 by W.M. Ogilvie, D.L.S., F.R.G.S. L.: Downey & Co., Ltd., 1898.
- NARS RRAC – National Archives and Record Service, Records of Russian-American Company, 1802–1867, Washington, DC.

References

- Aleksandrov V.A. (1962) Rol' krupnogo kupechestva v organizatsii pushnykh promyslov i pushnoi torgovli na Yenisee v XVII v. [The role of large merchants in the organization of fur hunting and fur trade on the Yenisei in the 17th century], *Istoricheskiye zapiski*. Moscow: Nauka, vol. 71, pp. 158–195.
- AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii, g. Moskva [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Moscow].
- Bakhrushin S.V. (1955) Pokruta na sobolinykh promyslakh XVII v. [Pokruta in the sable hunting of the 17th century], in: Bakhrushin S.V. *Nauchnye trudy*. Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, vol. III, pp. 198–212.
- Berkh V.N. (1823) *Khronologicheskaya istoriya otkrytiya Aleutskikh ostrovov ili podvigi rossiyskogo kupechestva. S prisovokupleniem istoricheskogo izvestiya o mekhovoi torgovle* [Chronological history of the discovery of the Aleutian Islands or the exploits of the Russian merchants. With the addition of historical news about the fur trade]. St. Petersburg: V tip. N. Grecha.
- Bolkhovitinov N.N. (1990) *Russko-amerikanskije otnosheniya i prodazha Alyaski. 1834–1867* [Russian-American relations and the sale of Alaska. 1834–1867]. Moscow: Nauka.
- Bychkov O.V. (1994) Osobennosti promyslovogo byta russkikh v Vostochnoi Sibiri v XVII veke [Features of the hunting life of Russians in Eastern Siberia in the 17th century], in: *Russkie pervoprophodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. (Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya)* / Ed. by A.R. Artem'yev. Vladivostok: DVO RAN, vol. 1, pp. 105–122.
- Dall W.H. (1898) The Yukon Territory. The Narrative of the W.H. Dall, Leader of the Expedition to Alaska in 1866–1868. The Narrative of the Exploration Made in 1887 in the Yukon District by George M. Dawson, D.C., F.G.S. Extracts from the Report of an Exploration Made in 1896–1897 by W.M. Ogilvie, D.L.S., F.R.G.S. L.: Downey & Co., Ltd., 1898.
- Grinёv A.V. (2016) *Alyaska pod krylom dvuglavogo orla (rossiyskaya kolonizatsiya Novogo Sveta v kontekste otechestvennoi i mirovoi istorii)* [Alaska under the wing of a double-headed eagle (Russian colonization of the New World in the context of national and world history)]. Moscow: Academia.
- Grinёv A.V. (2022) Psikhologicheskii portret eskimosov Alyaski po materialam russkikh istoricheskikh istochnikov (1763–1867) [Psychological portrait of the Eskimos of Alaska based on Russian historical sources (1763–1867)], *Kunstkamera*, no. 3, pp. 189–202.
- K istorii Rossiisko-Amerikanskoi kompanii* [On the history of the Russian-American Company] / Ed. by A.I. Blinov, I.M. Kuraev, O.N. Mukhina, P.I. Pavlov (executive editor). Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gos. arkhiv; Krasnoyarskii gos. ped. in-t, 1957.
- Khlebnikov K.T. (1979) *Russkaya Amerika v neopublikovannykh zapiskakh K.T. Khlebnikova* [Russian America in the unpublished notes of K.T. Khlebnikov] / Compiled, introduction and commentary by R.G. Lyapunov and S.G. Fedorov. Leningrad: Nauka.
- Khlebnikov K.T. (1985) *Russkaya Amerika v «Zapiskakh» Kirilla Khlebnikova: Novo-Arkhangel'sk* [Russian America in Kirill Khlebnikov's "Notes": Novo-Arkhangelsk] / Compiled, foreword, commentary and index by S.G. Fyodorova. Moscow: Nauka.
- Makarova R.V. (1968) *Russkie na Tikhom okeane vo vtoroi polovine XVIII v.* [Russians in the Pacific Ocean in the second half of the 18th century]. Moscow: Nauka.
- NARS RRAC – National Archives and Record Service, *Records of Russian-American Company, 1802–1867*, Washington, DC.
- O razchetakh s Rossiisko-amerikanskoiu kompanieiu po sluchaiu ustupki russkikh vladenii v Amerike Soedinennym Shtatam* [On payments with a Russian-American company on the occasion of the cession of Russian possessions in America to the United States]. St. Petersburg: V tip. Min. finansov, 1868.

- Okun' S.B. (1939) Rossiisko-Amerikanskaya kompaniya [Russian-American company]. Moscow, Leningrad: Gos. sots.-ekon. izd-vo.
- Otchet Rossiisko-Amerikanskoi kompanii za 1863 god* [The report of the Russian-American Company for 1863]. St. Petersburg: V tip. E. Treimana, 1865.
- Pallas P.S. (1781) O rossiiskikh otkrytiyakh na moryakh mezhdru Aziyeyu i Amerikoyu [About Russian discoveries on the seas between Asia and America], *Mesyatseslov istoricheskii i geograficheskii na 1781 god*. St. Petersburg: Imperatorskaya AN, pp. 1–150.
- PSZRI – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire since 1649.]. First Collection. Vols. I–XLV. St. Petersburg: Tip. II Otd. Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1830.
- RGIA – Rossiiskii gos. istoricheskii arkhiv, g. Sankt-Peterburg [Russian State Historical Archive, St. Petersburg].
- Rossiisko-Amerikanskaya kompaniia i izuchenie Tikhookeanskogo Severa, 1815–1841* [The Russian-American Company and the Study of the Pacific North, 1815–1841] / Ed. by N.N. Bolkhovitinov. Moscow: Nauka, 2005.
- Russkaya Amerika. Po lichnym vpechatleniyam missionerov, zemleprokhodtsev, moryakov, issledovatelei i drugikh ochevidtsev* [Russian America. According to the personal impressions of missionaries, explorers, sailors, researchers and other eyewitnesses] / Compiled by R.G. Liapunova et al. Ed. by A.D. Dridzo, R.V. Kinzhalov. Moscow: Mysl', 1994.
- Russkaya Tikhookeanskaya epopeia* [The Russian Pacific epic] / Compiled by V.A. Divin et al. Introduction by V.A. Divin. Historical essays, comments and notes: V.A. Divin, G.N. Isachenko, K.E. Cherevko. Editor-in-chief V.S. Shevchenko. Khabarovsk: Khabarovskoe kn. izd-vo, 1979.
- Russkie ekspeditsii po izucheniiu severnoi chasti Tikhogo okeana vo vtoroi polovine XVIII v.* [Russian expeditions to explore the North Pacific Ocean in the second half of the 18th century] / Compiled by: T.S. Fedorova (chief), L.V. Glazunova, G.N. Fedorova. Executive editor R.V. Makarova. Editor-in-chief A.L. Narochnitskii. Moscow: Nauka, 1989.
- Tikhmenev P.A. (1863) *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiisko-Amerikanskoi kompanii i deistvii ee do nastoiashchego vremeni* [Historical review of the creation of the Russian-American Company and its actions up to the present time]. St. Petersburg: Tip. Eduarda Veimara. Part II.
- Vilkov O.N. (1990) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI–nachala XVIII v.* [Essays on the socio-economic development of Siberia in the late 16th–early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
- Zagoskin L.A. (1956) *Puteshestviya i issledovaniya leitenanta Lavrentiya Zagoskina v Russkoi Amerike v 1842–1844 gg.* [Travels and explorations of Lieutenant Lavrentii Zagoskin in Russian America in 1842–1844]. Edited, foot notes and commentary by M.B. Chernenko, G.A. Agranat, Ye.E. Blomkvist. Moscow: Gos. izd-vo geogr. lit.

Сведения об авторе:

ГРИНЁВ Андрей Вальтерович – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: agrinev1960@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Andrei V. Grinëv, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: agrinev1960@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 июля 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 30.07.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*